Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «…жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно…». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и грустными, простыми и сложными, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды…».

Однажды в коммунальной квартире

Когда я был ребенком, моя семья жила в коммунальной квартире. Сейчас уже трудно представить, чтобы около туалета стояла очередь или на кухне одновременно готовили несколько совершенно чужих женщин. Но тогда простые бытовые вопросы решались у всех на виду: стирка, глажка, уборка, готовка и прочее. Не думаю, что для моей мамы это было лучшее время в жизни, но этот период я всегда вспоминаю с теплом. В нашем «Ноевом ковчеге» проживало пять семей. Жили все очень скромно, одевались одинаково. Но однажды на нашей кухне я увидел необыкновенную женщину. Она пришла к соседям в гости и расположилась за обеденным столом. Сначала меня поразил яркий красный цвет помады. Никогда прежде я не видел, чтобы женщины так ярко красили губы. Ее большие карие глаза были подведены тоненькими черными стрелочками, густые каштановые волосы роскошной кудрявой стружкой лежали на красивых плечах. В тонких и длинных пальчиках она изящно держала сигарету. Каждый раз, когда она пускала струйку дыма, на краешке сигареты оставался яркий след от помады. Забежав на минутку домой, я застрял на кухне. В свои десять лет мне не доводилось видеть столь роскошной женщины. Незнакомка обратила внимание на то, что ее с откровенным восхищением рассматривает откуда-то взявшийся мальчишка. Она улыбнулась и закинула одну стройную ногу на другую и немного подалась вперед, чтобы в глубоком вырезе блузки стала видна ее большая грудь. Жест нога на ногу был обыкновенный, но я успел заметить тоненькую полоску беленьких трусиков. Меня бросило в краску. Казалось, от моих оттопыренных пунцовых, горящих ушей вспыхнут волосы. Она рассмеялась приятным грудным смехом. Наш молчаливый диалог длился несколько секунд и закончился ее речью: «Меня зовут Наташа, а тебя как?». Мне не удалось выдавить из себя ни слова, потрясение было слишком велико. Странное неведомое чувство захватило меня надолго. На вопрос, что происходит со мной, в моей детской голове не находилось ответа. Ночью, закрывая глаза, я чувствовал запах ее духов. Аромат был совсем иной, чем у остальных женщин коммуналки от духов «Красная Москва». Сердце мое начинало биться чаще, дыхание становилось прерывистым, и по жилам разливался огонь. Много позже пришло осознание, что именно тогда, в той

самой обыкновенной коммуналке меня захватило необыкновенное ощущение страсти, я становился мужчиной. С тех самых пор я знал, что рядом со мной должна быть красивая брюнетка с роскошной грудью. Правда, в моих мечтах она не курила.

Прошло много лет. Я несколько раз был женат. Но периодически в моих мыслях невольно возникал образ той самой незнакомки, ее открытая белоснежная улыбка, аристократичная бледность, яркие сочные губы. Когда она «навещала» меня, душу больше не охватывал прежний пожар, но всегда было тепло и приятно от детских воспоминаний. Однажды меня пригласили на собрание, где я должен был выступать. Необходимо было обсудить ряд вопросов с целью убедить группу людей в своей правоте. Собрав все доводы в пользу подготовленных суждений, я привычно окунулся в обстановку, напоминающую небольшие боевые сражения. Моей оппонентткой оказалась молодая хорошо сложенная, небольшого роста женщина. Она скромно заняла кресло в углу. Не того полета птица – подумалось мне. Председательствующий огласил повестку дня, и участники начали обсуждение. И вдруг эта маленькая женщина вместо того, чтобы безропотно принять мою точку зрения стала биться со мной, как коршун за свое гнездо. Сначала эта ситуация меня даже позабавила. Но после моей неудачной шутки оппонентка смерила меня ледяным снисходительным взглядом и ужалила колкостью. Ей даже удалось разозлить меня. В спор вступил председатель собрания, и мы были вынуждены прекратить обсуждение. Я был удивлен таким поворотом событий и после совещания попросил председателя познакомить меня с яростной полемисткой. На теперь уже миролюбивой встрече на меня совершенно открыто и пытливо смотрели большие карие глаза. И я обратил внимание на ее каштановые волосы, роскошную грудь и пухлые губы. Последние были накрашены ЯРКО-красной помадой. Она протянула руку и сказала: «Наташа». Я взял ее маленькую ручку в свою и почувствовал, что она очень холодная. «Вы замерзли?» – спросил я. «Нет, что вы, после нашего спора мне очень жарко», – улыбнувшись, ответила она. Рядом со мной стояла красивая и всегда готовая к бою женщина. Некоторое напряжение чувствовалось в ее голосе, но держалась она очень достойно. Председатель взял с нас обоих обещание найти общий язык на пути решения возникающих проблем. Я стал частым гостем в ее кабинете и поймал себя на мысли, что увлекся ею. Иногда я заходил просто так, и мне приходилось на ходу придумывать поводы для встреч. Она всегда встречала меня открытой улыбкой. Мне было хорошо и очень легко рядом с ней. Наступил период отпусков, и мы разъехались на некоторое время. Перед поездкой я позвонил и предупредил, что вернусь не скоро, на что она спокойно ответила, что будет ждать. Всего один короткий телефонный разговор перевернул мою душу. Там снова поселилось щемящее ожидание любви. Прошло немногим более месяца. Это было время приподнятого настроения, когда ощущаешь наступление больших и приятных перемен. Странно, но я больше не вспоминал роскошную женщину из моего детства, спустившуюся с какой-то другой планеты в нашу коммунальную квартиру. Ее заменила другая, не менее красивая, яркая и умная маленькая шатенка. Она стала моей женой.

Однажды в машине

Я очень люблю свою жену, но иногда она бывает невыносима. Особенно изматывают ее приступы чистоплотности. Во все процессы уборки они обязательно вовлекает меня. Однажды, когда я был очень занят написанием доклада, который нужно было закончить за выходные дни, жена подошла ко мне и попросила пропылесосить ковер. Я ответил, что сделал это утром, на что последовала настойчивая просьба сделать это сейчас. Сначала я даже разозлился, но потом сдался. Жена ушла на кухню готовить обед, я вздохнул и достал пылесос. Конфликтовать совсем не хотелось, поэтому я включил пылесос, вышел на балкон перекурить и продумать последний раздел доклада. Через десять минут я вернулся в комнату, убрал пылесос и принялся дописывать свой титанический труд. Жена через время зашла с маленькой тарелочкой, в которой лежал кусок моего любимого горячего пирога. Она угостила меня, поцеловала и сказала, что теперь в комнате стало гораздо чище. Я улыбнулся, погордился своей мудростью, но тайну про включенный пылесос открывать не стал…. Иногда у жены бывают приступы тревоги, и она звонит мне каждый час. Это нервирует, особенно когда на работе бывает цейтнот. Звонят люди, шеф раздает поручения, а тут звонок: «Милый как дела?». Проходит час: «А сейчас как дела?», через два: «А сейчас?». Однажды я не выдержал и нагрубил ей. Что-то вроде «без твоих звонков дела прекрасны». Она обиделась и в тот день больше не звонила. Я знал, что зря так ответил, но времени просить прощения совсем не было, а простая СМСка казалась мне формальностью. Мне хотелось объяснить ей все дома и, конечно, извиниться, глядя в глаза. Несмотря на кучу поручений, для исполнения которых требовалось немало усилий, на душе было неприятно из-за нашей небольшой ссоры. Когда рабочий день подошел к концу, я облегченно вздохнул и уже собрался исчезнуть из офиса, как вдруг зашел руководитель и попросил съездить на служебной машине в магазин забрать подарок для важной персоны. Магазин находился на другом конце города. Я вздохнул, взял портфель и пошел к машине. Заднее сидение было завалено коробками, я сел на переднее. Водитель тоже был не рад этому заданию, поэтому, грустно переглянувшись, мы тронулись в путь. Простояв битый час в пробках, наш рулевой решил сократить этот длинный поход. Мы выехали на объездную дорогу. На часах было уже 19.00. Мне подумалось, что жена точно будет волноваться, и я решил позвонить ей сам. Но только я об этом подумал, как моя нетерпеливая жена позвонила первой. Я улыбнулся, мысленно поцеловал свою торопыжку и собрался ответить, но при очередном резком торможении телефон выпал у меня из рук и оказался на коврике под ногами. Нагнувшись за упавшим телефоном, я услышал глухой удар. Оказалось, что впереди ехал грузовик, наполненный арматурой. Водитель огромной машины не справился с управлением, грузовик перевернулся, и арматура разлетелась по всей дороге. Несколько прутьев проткнули нашу машину как шампуры. У водителя шансов спастись не было, а меня спас звонок жены. Если бы я не наклонился за телефоном, то погиб бы вместе с водителем, потому что один прут прошел прямо над моей головой. Бригада скорой помощи вместе с МЧС прибыли очень быстро. Чтобы достать водителя пришлось раскурочить всю машину. Но железо было не жалко. На моих глазах погиб человек. Врачи осмотрели меня и отправили домой, буркнув на прощание: «В рубашке родился».

Руки сильно дрожали, и открыть дверь никак не получалось. Но только я собрался постучать, дверь распахнулась. На пороге стояла моя перепуганная жена. Она обняла меня и сказала, что почему-то очень переживала. Про несчастный случай она не знала, но из-за приступа тревоги уже три часа не находила себе места. Я извинился за утреннюю грубость и сказал, чтобы она всегда звонила, ведь без ее звонков мне просто не жить. Причем «не жить» в данном случае говорилось в прямом смысле. Иногда излишняя забота способна спасти жизнь. А кто знает, когда забота бывает лишней?

Однажды в школе

Я слышал много восторженных рассказов о школьных годах от моих коллег и приятелей, смотрел романтичные фильмы про школьное братство. Однако мне повезло гораздо меньше. Может, время в стране было другим, может, люди там, где я в детстве жил, были жестокими – сейчас судить трудно. Но годы до поступления в университет я стараюсь почти не вспоминать. В школе, где я учился, придумали эксперимент: подбирать в классы детей по принципу: «умные», «не очень умные», «тупые», «безнадеги». Такая градация применялась без всякого тестирования. Учительница начальных классов, которая пользовалась большим авторитетом у директора школы, имела право ходить летом по детским садам нашего микрорайона и выбирать своих «умных» детей по рекомендациям воспитателей. Тех, кого она не взяла, попадали в «отстой». В тот микрорайон моя семья переехала в третьей четверти учебного года. Меня перевели из сельской школы, и поэтому я автоматически попал в класс, где было меньше всего детей. «Безнадеги» – так ласково называла нас наша учительница, которой из-за плохих отношений с директором достались «неперспективные» дети. Образовательная реформа шла полным ходом. После третьего класса было принято пропустить четвертый, и снова перемещать всех учеников, выбрав лучших, средних, «так себе» и «скорей бы они закончили школу». Из-за своего усердия я все же попал в команду лучших, а остальные «безнадеги» моего класса были переведены в класс «двоечников» при условии, что они окончат 9 классов и не будут претендовать на полное среднее образование. Вне зависимости от этих перестановок, у меня было много друзей во всех классах. Порой «своих» двоечников я уважал больше надменных одноклассников (в последствие таких стали называть «золотая молодежь»), а тогда я их называл уродами. Однажды двое таких «умных» уродов стали обижать нашу отличницу. Девочка была из бедной семьи, одевалась очень скромно, чем давала повод для злобных насмешек. Я много раз вступался за нее, провожал до дома, старался

окружить вниманием. Дрался с моральными уродами, требовал отстать от девчонки. Но в те дни, когда меня не было в школе (по болезни или из-за участия в олимпиадах), они особенно глумились над ней: обзывали, прятали вещи, рисовали мелом на спине всякие гадости, поджигали волосы. Родители этих мажоров были влиятельными людьми, и учителя не вмешивались. Это молчаливое согласие и безразличие видели все, включая моих друзей-двоечников, которые к восьмому классу производили впечатление маленьких бандитов (они почти все курили, матерились, выпивали). Однажды уроды закрыли нашу отличницу в раздевалке, отобрали сменную обувь и один из них помочился на ее туфельки. Они с хохотом отпустили девчонку, а сами пошли на занятия. Когда я ее нашел, она сидела и плакала. Денег на новую обувь в ее семье не было, а эти обувать было нельзя. Я в ярости выскочил из раздевалки и направился искать этих нелюдей. Навстречу попались двое приятелей-двоечников, они собирались прогулять физику. Они расспросили меня о случившемся. Тогда мы решили сплотиться в борьбе с безнаказанностью. После уроков мы отомстили. Один из уродов попал в больницу с сотрясением мозга, другой отправился на амбулаторное лечение домой. На следующий день начался поиск мстителей. Я сам рассказал директору, что стало причиной случившегося, и взял вину за побои на себя. Директриса созвала педсовет и все дружно решили участвовавших в драке двоечников отчислить из школы. Меня трогать не стали из-за прежних заслуг, но сделали последнее предупреждение. Уродов директриса навещала лично каждый день. Когда я услышал приговор, я был возмущен. Пострадавшая девочка-отличница после унижений вынуждена была перевестись в другую школу. Мои родители пытались найти справедливость в органах управления образования. Но оказалось, у директорши от огромного количества медалей нет свободного места на ее чахлой груди, стена увешана грамотами, и заслуг – не перечесть. Поэтому вмешиваться в ее решение никто не стал. Разочарование и обида поселилась в моей душе. После всего случившегося среди сверстников я стал пользоваться огромным уважением. Школьная уборщица каждое утро встречала меня приветственными словами: «Доброе утро, наш храбрец». Мне было приятно, но непонятно, почему она одна не делает вид, будто ничего не случилось. Вечером после занятий я решился и спросил у нее, почему она не боится демонстрировать хорошее отношение ко мне. Мария Ивановна (так ее звали) рассказала, что давно работает в этой школе техничкой, хотя раньше была учителем начальных классов. В период первых реформ она протестовала против деления детей на категории, считала, что лучше развивать в них общие интересы, желание помогать друг другу, быть одной семьей. Эта теория директору не понравилась, ведь нужно было внедрять пилотный проект, поэтому молодую учительницу вынудили поставить подпись в приказе о сокращении и предложили должность уборщицы. С работой в то время было очень плохо, да и бытовых проблем хватало, поэтому Мария Ивановна согласилась на эту унизительную подачку, но всегда сокрушалась, что не стала бороться за свою судьбу и судьбу целого поколения первоклассников. Они видела, как безумные затеи разрушают детские души, как самолюбование и надменность детей первого сорта калечат их же сердца. Но весь педагогический состав обожал лишь отличников. Только они были удостоены адекватного общения, а с остальными можно было вести себя, как попало: хамить, грубить, насмехаться. Она все видела и молчала, за это ей было бесконечно стыдно. Во мне она увидела задатки лидера и бойца, которые просила сохранить, несмотря ни на что. Я поблагодарил ее за откровенный разговор и решил окончить именно эту школу во

что бы то ни стало. Учеба в последних классах давалась мне очень тяжело. Я никогда не молчал, когда видел глупость, трусость и подлость вокруг себя. На выпускной вечер меня пришли поздравить все те, от кого «избавились» еще в девятом классе. Мои «двоечники» толпой ввалились в холл школы. Их встретила разъяренная директриса и потребовала покинуть школу, поскольку праздник – не для них. Но моим друзьям было все равно, они с шарами и цветами вошли в школьный актовый зал и хором приветствовали меня как лучшего ученика школы (хотя окончить школу на отлично мне так и не удалось). Почти каждому из выпускников предоставили слово, и я наперекор сценарию поблагодарил нашу Марию Ивановну за заботу и тепло, вручив ей букет роскошных роз. Наступила пауза. Заместитель директора по воспитательной работе быстро нашлась и громко объявила всем поварам и техничкам огромную благодарность. Включили музыку. И все остальное прошло по плану. Праздник закончился, как и полагается, встречей рассвета. С тех пор мы больше не встречались никогда. Через много лет я узнал, что те двоечники, которых выгнали из моей школы, продолжили учебу в другом районе нашего города. Оба после 11 классов окончили педагогический институт и пошли работать в школу. Девочка, которую я защищал в школе, вышла замуж за одного из них. А Мария Ивановна сразу после моего выпускного бала уволилась из школы и устроилась работать в дошкольное учреждение, где пользовалась большим уважением среди детей, родителей и коллег…

Ариша ЗИМА